

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Из выступления на Международном конгрессе
«Образование и наука на пороге третьего тысячелетия»,
Новосибирск, 5 сентября 1995 г.

(с некоторыми сокращениями)

Конференция ООН по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в Рио-де-Жанейро на уровне глав государств и правительств, рассмотрев ситуацию в мире и выявившиеся на пороге нового тысячелетия тенденции изменений, происходящих в окружающей среде и обществе, пришла к заключению, что существовавшая парадигма развития цивилизации должна быть кардинально изменена, иначе человечество ждет катастрофа. Основой новой парадигмы является концепция устойчивого развития.

Есть два варианта развития. Первый исходит из интересов всего человечества, и тогда мы обязаны принять концепцию устойчивого развития как основу движения в будущее. Второй вариант – под разговоры об экологической угрозе, о необходимости жить дружно и в мире ставятся во главу угла интересы развитых стран, благополучие которых зиждется на ограблении в прошлом и настоящем развивающихся стран. При этом выживает так называемый «золотой миллиард», а остальные деградируют и постепенно погибают. Конференция в Рио однозначно высказалась в пользу первого варианта. О втором вслух говорить не будут, но попытки его реализации неизбежны.

Кардинальное изменение парадигмы развития цивилизации предъявляет новые требования к развитию всех сфер деятельности человека и формированию его духовных установок. Последнее особенно важно подчеркнуть в условиях вызванной проводимыми в России реформами духовной деградации нашего общества. Если проанализировать внимательно концепцию устойчивого развития, то становится предельно ясным, что она реализуема только в случае обеспечения примата:

- духовных ценностей над материальными;
- общественных интересов над индивидуалистическими;
- государственного регулирования (законодательного и с помощью экономических механизмов) над действием чисто рыночных сил.

С сожалением приходится признать, что стремительное развитие образования, науки, техники и технологий во второй половине XX в. в недостаточной мере отразилось на характере организации общества и системе выбора лидеров. Вот что по этому поводу констатировал польский писатель Станислав Лем:

«Необходимость выбора между цивилизацией, опирающейся на правление знатоков-экспертов, и цивилизацией с правлением политических лидеров, демагогически обещающих все, а на деле неспособных дать почти ничего, будет все более острой. Остается только уповать, что когда-нибудь наступит время проверки профессиональной пригодности как экспертов-специалистов, так и политиков (проверки, одинаково тщательной для тех и других). Ведь общая тенденция, заметная буквально повсюду, в том числе в США, такова, что возрастающей сложности государственных, технических, наконец, глобальных проблем сопутствует явное снижение уровня компетентности правящих».

Совершенно очевидно, что образование, культура, наука – это краеугольные камни будущего развития. Страна, которая недооценивает роль этих трех сфер, обречена на прозябание в будущем постиндустриальном мире. По отношению государства к этим трем сферам легко представить себе будущее государства.

Но есть и другая сторона – ответственность образования, культуры и науки перед обществом и государством. Этот аспект особенно важен сейчас, когда цивилизация столкнулась с трудноразрешимыми глобальными проблемами. Кардинальное изменение парадигмы развития требует не менее кардинальных изменений в сферах образования и науки. Какие же требования выдвигает перед ними наше время в связи с осознанием глобальных проблем, вставших перед человечеством? Остановлюсь на наиболее общих.

1. Уже на стадии общего образования должны закладываться основы понимания взаимосвязи жизни человека во всех ее проявлениях с природными и антропогенными процессами и состоянием окружающей среды, а также основы системного понимания характера нынешнего глобального кризиса цивилизации.

2. На уровне высшего профессионального образования указанное выше направление должно получить более глубокое развитие с одновременным выделением приоритетных крупномасштабных задач, стоящих перед каждой научной и технической дисциплиной.

3. Образование (особенно высшее) и наука – это две ступени процесса овладения знаниями, и усилия по их интеграции должны быть продолжены.

4. Наука должна обеспечить более глубокое понимание глобальных проблем человечества и обеспечить нахождение путей их решения, принимая во внимание, что решение глобальных проблем возможно только на путях использования мультидисциплинарных подходов.

5. С учетом духовного фактора в реализации концепции устойчивого развития наряду с усилением мультидисциплинарности образования должна быть усилена его гуманитаризация.

В последние годы в нашей стране стало модным поносить отечественный опыт и брать за образец западный. Это глупо. Любая попытка

разрушить что-то до основания, а затем построить новое дорого обходится обществу. Значительно рациональнее и правильнее, опираясь на национальный опыт, дополнять его преимуществами опыта других.

Возьмем, к примеру, школьное образование. В развитых западных странах значительно сильнее, чем у нас, представлена общежитейская, бытовая компонента знания (иногда говорят «гуманитарная», что неточно). Это следовало бы учесть и нам. Но западное школьное образование в части общей базовой подготовки существенно уступало и все еще уступает нашему. Это сейчас осознали те, то вместе с семьей уехали на работу по контрактам за рубеж. Они поняли, что после окончания школы, например, в США, перспективы поступления в приличный вуз России у их детей практически нулевые – дети не выдержат конкурсных вступительных экзаменов.

В свете насущной необходимости расширения и углубления общего базового образования брать за основу западную систему неразумно. Надо совершенствовать свою с учетом некоторых сторон западной системы с усилением гуманитарной компоненты. К сожалению, гуманитаризация в наших школах пошла сейчас не столько в направлении изучения духовного наследия России и мира, формирования нравственных устоев, сколько преимущественно в потребительско-мещанском плане. С учетом мощного воздействия телевидения у школьников подрываются основы самостоятельного мышления и формируются совсем не те нравственные устои, которые отвечают требованиям XXI в., в котором им предстоит жить.

Когда руководители школ и органов народного образования считают возможным резко сократить число часов на преподавание естественных и точных наук, а некоторые предметы, например, физика, становятся необязательными, когда маститые деятели культуры ставят химию со ссылками на опыт Запада в разряд совсем не обязательных дисциплин, то остается лишь руками развести. Всплеск в последнее время астрологии, парапсихологии и прочей псевдонаучной галиматии также не может не сказаться на формировании создания россиян, которым предстоит жить в XXI в.

Мне представляется, что руководители переживающего тяжелые времена школьного образования в России в последнее время стали больше внимания уделять моде и форме (лицеи, колледжи и т.д.), чем существу дела. В не меньшей степени это касается системы высшего образования. Увлечение переименованием педагогических вузов в университеты, а технических вузов в технические университеты вряд ли можно рассматривать как реальный вклад в перестройку вузов в соответствии с требованиями времени.

Очень важным остается вопрос об интеграции системы высшей школы и науки. Опыт Ленинградского и Московского физико-технических институтов, Новосибирского государственного университета и ряда других вузов демонстрирует эффективные, рациональные пути интеграции высшего

образования и развитой системы академической науки в нашей стране. Но опять звучат голоса: а в Америке это делают не так.

На меня шокирующее впечатление в ходе десятилетия реформ в России произвело то, как быстро многие, в том числе и представители научных кругов, меняют свои убеждения на прямо противоположные. Это объясняют «врожденным идейным непостоянством русской интеллигенции». Хотя эту же мысль высказывал один из наших классиков: «Российского интеллигента не поймешь, чего он хочет больше – демократии или осетрины с хреном», – я не уверен, что это просто специфическая черта россиян. Возможно, некоторое отражение здесь и находит российский общинный менталитет, но все же убеждения, основанные на знаниях и закрепляемые опытом, не могут меняться в одночасье. Либо такие убеждения есть и отречение от них под влиянием новых фактов сопровождается мучительным процессом переосмысливания своих знаний и опыта, либо их не было, а человек только делал вид, что они у него есть.

Я привлекаю внимание к указанному феномену в связи с тем, что реализация концепции устойчивого развития останется очередной «розовой мечтой» человечества, если необходимость ее реализации не будет осознана большей частью людей на планете, подавляющей частью общества каждой страны.

Если мы хотим, чтобы представители общества действительно принадлежали к роду *homo sapiens*, то система образования должна на всех этапах содействовать развитию самостоятельного мышления, критического анализа и формированию духовного стержня.

Одновременно серьезное внимание должно быть уделено изучению социальной психологии и обеспечению понимания методов и средств манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, своего рода «вакцинации» людей от оболванивания.

В одном из документов, представленных ЮНЕСКО Конференции в Рио-де-Жанейро, отмечалось:

«Мы должны внести серьезнейшие изменения в образование, исследования, управление и профессиональную деятельность, чтобы преодолеть нынешнее чрезмерное увлечение специализацией, начиная с общеобразовательной школы через университет до практической деятельности. Расчленение знания (его секторизация), между прочим, не является присущей человечеству особой чертой. Возьмите, например, эпоху Ренессанса, которая очень высоко ценила широту кругозора человека. Мы должны достичь нового ренессанса, когда сегодняшние тенденции расчленения знания по дисциплинам будут устранены».

С этим нельзя не согласиться, помня, естественно, что наряду с широтой научного кругозора специалист всегда будет иметь особенно глубокие знания в одной из дисциплин. Широта же научного кругозора облегчит ему взаимодействие со специалистами из других областей и возможность достаточно быстрого переключения с одной области исследований на другую.

Я хотел бы, чтобы не было недоразумений, обратить внимание на то, что в русскоязычной и англоязычной литературе в термины «междисциплинарные» и «мультидисциплинарные» исследования вкладывается разный смысл. В русскоязычной литературе под междисциплинарными обычно понимают исследования на стыке двух наук, а под мультидисциплинарными – исследования объединенными усилиями представителей нескольких научных дисциплин в интересах решения той или иной задачи. Если же взять англоязычную классификацию, то смысл этих терминов противоположный. Понимание этого позволит избавиться от недоразумений в ходе дискуссий.